

полка 8
№ 13

105

Д. Маминъ-Сибирякъ.
Разказы и сказки
для
ДѢТЕЙ.

Издатель
А. М. Тихонов

СКАЗКИ И РАЗСКАЗЫ

ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Д. Н. Мамина - Сибиряка.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО СКЛАДА

Дм. Ив. Тихомирова.

Москва, Тверская улица, домъ Гиришманъ.

Первая тысяча экз.

Цѣна 60 коп.

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Чернышев. пер., д. Пустошкина,
противъ Англійской церкви.

1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Старый воробей.	2
2. Приемышъ.	17
3. Постойко.	31
4. Сѣрая шейка.	43
5. Упрямый козелъ	52
6. Медвѣдка.	77
7. На пути	84
8. Елка	93
9. Зеленая война.	105
10. Лѣсная сказка.	118
11. Искорки	134

Дозволено цензурою. Москва, марта 4 дня 1895 года.

СТАРЫЙ ВОРОБЕЙ.

Разсказъ.

I.

ОЗЯИНЪ что-то замышляетъ,—замѣтилъ первымъ Пѣтухъ, гордо выпячивая атласную грудь.

— А я знаю что! — чиликнулъ съ березы старый Воробей, на своихъ тонкихъ ножкахъ, точно сдѣланныхъ изъ проволоки. — Ну-ка, догадайся, умная голова?.. Нѣтъ, лучше и не думай: все равно ничего не придумаешь.

Пѣтухъ сдѣлалъ видъ, что не понялъ обидныхъ словъ и, чтобы показать свое презрѣніе дерзкому хвастунишкѣ, громко захлопалъ крыльями, вытянувъ шею и, страшно раскрывъ клювъ, пронзительно заоралъ свое единственное *ку-ку-реку!*

— Ахъ, глупый горланъ!..— смѣялся старый Воробей, вздрагивая своимъ крошечнымъ тѣльцемъ.— Сейчасъ видно, что ничего не понимаетъ... Чили-чили!..

А хозяинъ маленькаго домика, стоявшаго на окраинѣ города, дѣйствительно былъ занятъ необыкновеннымъ дѣломъ.

Во первыхъ,
онъ вынесъ

изъ комнаты небольшой ящикъ съ желѣзною кровелькой. Потомъ досталъ изъ сарая длинный шестъ и началъ прибивать къ нему гвоздями принесенный ящикъ. Мальчикъ лѣтъ пяти внимательно наблюдалъ за каждымъ его движеніемъ.

— Отличная штука будетъ, Сережка!—весело говорилъ отецъ, вбивая послѣдній гвоздь.— Настоящій дворецъ...

— А гдѣ скворцы, тятя?—спрашивалъ мальчикъ.

— А скворцы прилетятъ сами...

— Ага, скворешникъ!..—гаркнулъ Пѣтухъ, прислушивавшійся къ разговору.—Я такъ и зналъ!

— Ахъ, глупый, глупый!—засмѣялся надъ нимъ старый Воробей.—Это мнѣ квартиру приготавливаютъ...

да! Эй, старуха, смотри, какой намъ домикъ сдѣлали!..

Воробѣиха была гораздо серьезнѣе мужа и отнеслась съ недовѣріемъ къ этимъ словамъ. Да и хозяинъ самъ говоритъ о скворцахъ, значить, будетъ скворешникъ. Впрочемъ, спорить она не желала, потому что это было бесполезно: развѣ стараго Воробья кто-нибудь переспорить?.. Онъ будетъ повторять свое

безъ конца, а она совсѣмъ не хотѣла ссориться. Да и зачѣмъ ссориться, когда весеннее солнышко такъ ласково свѣтитъ; вездѣ бѣгутъ весенніе ручейки, и почки на березахъ уже совсѣмъ набухли и покраснѣли: вотъ-вотъ раскроются и выпустятъ каждая по зеленому листочку, такому мягкому, свѣтленькому, душистому и точно покрытому лакомъ. Слава Богу, зима прошла, и теперь всѣмъ наступаетъ великая радость. Конечно, старый Воробей страшный забіяка, и частенько обижалъ свою старуху; но въ такіе свѣтлые весенніе дни забываются даже семейныя непріятности.

— Что же ты молчишь, моя старушка? — приставалъ къ ней старый Воробей. — Будетъ намъ жить подъ крышей: и темно, и вѣтромъ продуваетъ, и вообще неудобно. Признаться сказать, я давно думаю перемѣнить квартиру, да все какъ-то было некогда. Хорошо, что хозяинъ самъ догадался... Вотъ у куръ есть курятникъ, у лошадей стойло, у собаки конура,

а только я одинъ долженъ былъ скитаться, гдѣ попало. Совѣстно стало хозяину, вотъ онъ и приготовилъ мнѣ домишко... Отлично заживемъ, старушонка!

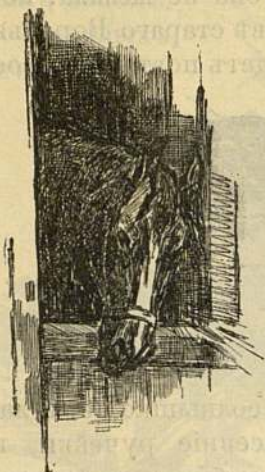
Весь дворъ былъ занятъ хозяйской работой: изъ конюшни выглядывала лошадиная голова, изъ конуры вылѣзъ мохнатый Волчокъ и даже показался сѣрый котъ Васька, цѣлые дни лежавшій гдѣ-нибудь на солнышкѣ. Всѣ слѣдили, что будетъ дальше.

— Эй, старый плутъ!..—кричалъ старый Воробей, завидѣвъ своего главнаго врага, кота Ваську. — Ты зачѣмъ пожаловалъ сюда, дармоѣдъ? Теперь, братъ, тебѣ меня не достать... да! Лови своихъ мышей да посматривай, какъ я заживу въ своемъ домишкѣ. Не все мнѣ по морозу прыгать на одной ножкѣ, а тебѣ лежать на печкѣ...

— Что же, пожалуй и такъ...—согласился Пѣтухъ, тоже не долюбливая кота Ваську.—Положимъ, что старый Воробей и хвастунъ, и забіяка, и воръ; но онъ все-таки не таскаетъ цыплятъ.

Кончивъ свою работу, хозяинъ поднялъ шесть со скворешникомъ и прикрѣпилъ его къ самому крѣпкому столбу ограды. Скворешникъ былъ отличный: доски были пригнаны плотно, наверху желѣзная крыша, а сбоку прикрѣплена сухая березовая вѣтка, на которой такъ удобно было отдыхать. У маленькаго круглаго оконца, черезъ которое можно было влетѣть въ скворешникъ, устроена была деревянная полочка,—тоже не дурно отдохнуть.

— Живо, старуха, собирайся!—крикнулъ старый

Воробей.—Вѣдь есть нахалы, которые сейчасъ готовы захватить чужой домъ... Тѣ же скворцы прилетятъ.

— А если насъ оттуда выгонять? — замѣтила Воробьяха.—Старое свое гнѣздо разоримъ, кто-нибудь его займетъ, а сами и останемся ни при чемъ... Да и хозяинъ про скворцовъ говорилъ.

— Ахъ, глупая: это онъ пошутилъ.

Не успѣлъ хозяинъ отойти отъ скворешника, чтобы полюбоваться своей работой издали, какъ старый Воробей уже былъ на желѣзной кровелькѣ. Весело чиликнувъ, онъ быстро юркнулъ въ оконце, только хвостикъ мелькнулъ.

— Эге, да тутъ совсѣмъ отлично! — думалъ вслухъ старый Воробей, запутавшись въ хлопьяхъ кудели.—То-то моей старухѣ тепло будетъ, да и ребятишкамъ тоже... Не дуетъ ни откуда, дождемъ не мочить, и, главное, самъ хозяинъ. Не дурно... А зимой здѣсь умирать не надо.

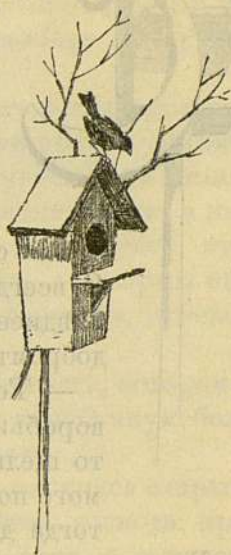
Выбравшись на самую верхушку скворешника, старый Воробей весело распустилъ всѣ перышки, повернулся на всѣ стороны и крикнулъ:

— Это я, братцы! милости просимъ къ намъ на новоселье...

— Ахъ разбойникъ! — обругалъ его хозяинъ снизу.—Ужъ успѣлъ забраться. Погоди, братъ, вотъ прилетятъ скворцы, они тебѣ зададутъ...

Маленькій Сережка былъ ужасно огорченъ, что въ скворешникѣ поселился самый обыкновенный воробей.

— Ты каждое утро смотри, — училъ его отецъ.—На дняхъ должны прилетѣть наши скворцы.

— Будетъ шутить, хозяинъ!—кричалъ старый Воробей сверху.—Меня-то не проведешь... А скворцамъ мы и сами зададимъ жару-пару!..

II.

ТАРЫЙ Воробей расположился въ скворешникѣ по домашнему, какъ и слѣдуетъ семейной птицѣ. Изъ стараго гнѣзда былъ перетащенъ пухъ и все, что только можно было утащить.

— А теперь пусть въ немъ живутъ племянники,—рѣшилъ старый Воробей со свойственнымъ ему великодушiемъ.— Я всегда готовъ отдать родственникамъ послѣднее... Пусть живутъ да меня, старика, добромъ поминаютъ.

— Тоже расщедрился! — смѣялись другіе воробьи.— Подарилъ племянникамъ какую-то щель... Вотъ ужъ посмотримъ, какъ самого погонять изъ скворешника, такъ куда тогда дѣнется?

Все это говорилось, конечно, изъ зависти, и старый Воробей только посмѣивался: пусть ихъ поговорятъ. О, это былъ опытный старый воробей, выдавшій виды... Сидя въ своемъ тепломъ гнѣздѣ, теперь онъ съ удовольствiемъ вспоминалъ о разныхъ неудачахъ своей жизни. Разъ чуть не сгорѣлъ, забравшись

погрѣться въ трубу, въ другой чуть не утонулъ, потомъ замерзаль, потомъ совсѣмъ было попался въ бархатныя лапки стараго плута Васьки и чуть живой вырвался,—э, да мало-ли невзгодъ и горя онъ перенесъ!..

— Пора и отдохнуть, — рассуждалъ онъ громко, взобравшись на крышу своего новаго домика. — Я — заслуженный воробей... Молодые-то пусть поучатся, какъ нужно на свѣтѣ жить.

Какъ ни смѣшно было нахальство стараго Воробья, но къ нему всѣ привыкли и даже стали вѣрить, что, дѣйствительно, скворешникъ поставленъ именно для стараго Воробья. Теперь всѣ ждали только того рѣшительнаго дня, когда прилетятъ скворцы, — что-то тогда будетъ дѣлать старикъ, забравшійся въ чужое гнѣздо?

— Что такое скворцы? — рассуждалъ вслухъ старый Воробей. — Глупая птица, которая неизвѣстно, зачѣмъ перелетаетъ съ одного мѣста на другое. Вотъ нашъ Пѣтухъ тоже неумень, но зато и сидитъ дома; а потомъ изъ него сварятъ супъ... Я хочу сказать, что глупый Пѣтухъ хоть на супъ годенъ, а скворцы никуда: прилетятъ, какъ шальные, вертятся, стреко-чуть... Тьфу! Смотрѣть непріятно.

— Скворцы поютъ... — замѣтилъ Волчокъ, которому порядочно-таки надоѣло слушать эту воробьиную болтовню. — А ты только умѣешь воровать.

— Поютъ? Это называется пѣть? — изумился старый Воробей. — Ха-ха... Нѣтъ, ужъ извините, господа, про себя говорить не хорошо, а между тѣмъ я долженъ сказать, что если кто дѣйствительно поетъ, такъ это я... да! И я постоянно пою, съ утра до ночи, пою цѣлую жизнь... Вотъ послушайте: чили-чили-чиликъ!... Хорошо? Не правда ли?.. Меня всѣ слушаютъ...

— Будетъ тебѣ, старый шутъ!

Скворешникъ оказался очень хорошей квартирой. Главное, все видно сверху. Только вынесутъ кормъ курамъ, а старый Воробей уже поспѣлъ раньше всѣхъ. Самъ пахъ и своей Воробьиной зернышко снесетъ. Онъ даже успѣвалъ украсть малую толику у Волчка, пока тотъ вылѣзалъ изъ своей конуры. И вездѣ такъ. Шныряетъ подъ ногами у куръ, заберется въ кормушку къ лошади, даже въ комнаты забирается не разъ—прожорливости и нахальству стараго Воробья не было границъ. Мало этого. Онъ успѣвалъ побывать и на чужихъ дворахъ и тамъ урвать что-нибудь изъ сѣстного. Вездѣ лѣзетъ, вездѣ ему было дѣло, и никого знать не хотеть.

Наступилъ мартъ. Дни стояли теплые, свѣтлые. Снѣгъ вездѣ почернѣлъ, присѣлъ, пропитался водой и сдѣлался такимъ рыхлымъ, точно его изъѣли черви. Вѣтки у березъ покраснѣли и набухли отъ прилившихъ соковъ. Весна подступала все больше. Иногда пахнетъ такимъ теплымъ вѣтеркомъ, что даже у стараго Воробья захолонетъ сердце. Жутко-хорошо въ такую пору.

Маленькій Сережка, какъ только просыпался ут-

ромъ, сейчасъ же лѣзъ къ окну посмотрѣть, не прилетѣли ли скворцы. Но день проходилъ за днемъ, а скворцовъ все не было.

— Тятя, на скворешникъ все этотъ воробей сидитъ, — жаловался Сережка отцу.

— погоди, отойдетъ ему честь. Грачи вчера прилетѣли. Значить, скоро будутъ и наши скворцы.

Дѣйствительно, сосѣдній барскій садъ былъ усеянъ черными точками, точно живой сѣткой: это были первые весенніе гости, прилетѣвшіе съ далекаго теплаго юга. Они поднимали такой гвалтъ, что слышно было за нѣсколько улицъ, — настоящая ярмарка. Галдятъ, летаютъ, осматриваютъ старыя гнѣзда и кричатъ безъ конца.

— Ну, старуха, теперь держись! — шепталъ старый Воробей своей Воробихѣ еще съ вечера. — Утромъ полетятъ скворцы... Я имъ задамъ, — вотъ увидишь. Я вѣдь никого не трогаю, и меня не тронь. Знай, всякъ сверчокъ, свой шестокъ...

Цѣлую ночь не спалъ старикъ и все сторожилъ. Но особеннаго ничего не случилось. Передъ утромъ пролѣтѣла небольшая стайка зябликовъ. Птички смиренныя: отдохнули, посидѣли на берегахъ и полетѣли дальше. Онѣ торопились въ лѣсъ. За ними показались трясогузки—эти еще скромнѣе. Ходятъ по дорогамъ, хвостиками покачиваютъ и никого не трогаютъ. Обѣ лѣсныя птички, и старый Воробей былъ даже радъ ихъ видѣть. Нашлись прошлогодніе знакомые.

— Что, братцы, далеко летѣли?

— Ахъ, какъ далеко!.. А здѣсь холодно было зимой?

— Ахъ, какъ холодно!..

— Ну, прощай, воробушка! Намъ некогда.

Утро было такое холодное; а въ скворешникѣ такъ тепло, да и Воробьяха спитъ сладко-сладко. Чуть-чуть прикурнулъ старый Воробей, кажется, не успѣлъ и глазъ сомкнуть, какъ на скворешникъ налетѣла первая стайка скворцовъ. Быстро они летѣли, такъ что воздухъ свистѣлъ. Облѣпили скворешникъ и подняли такой гамъ, что старый Воробей даже испугался.

— Эй, ты, вылѣзай!—кричалъ Скворецъ, просовывая голову въ оконце.—Ну, ну, пошевеливайся поскорѣ!..

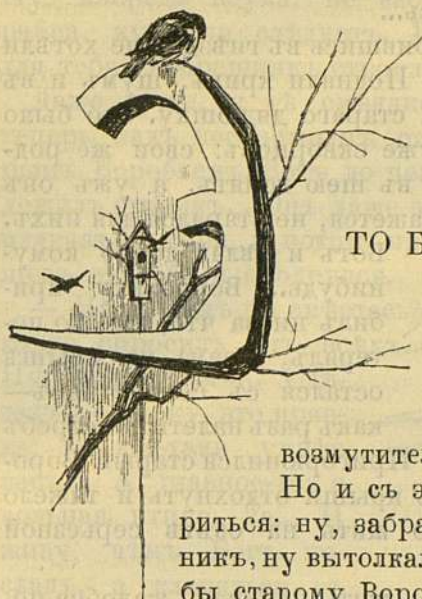
— А ты кто такой?.. Я здѣсь хозяинъ... Проваливай дальше, а то вѣдь я шутить не люблю...

— Ты еще разговариваешь, нахаль?..

Что произошло дальше, страшно и рассказывать: развѣдчикъ Скворецъ очутился въ скворешникѣ, схватилъ Воробьяху за шиворотъ своимъ длиннымъ, какъ шило, клювомъ и вытолкнулъ въ окно.

— Батюшки, караулъ!.. — благимъ матомъ оралъ старый Воробей, забившись въ уголъ и отчаянно защищаясь.—Грабятъ... карраулъ!.. Ой, батюшки, убили...

Какъ онъ ни упирался, какъ ни дрался, какъ ни оралъ, а въ концѣ концовъ съ позоромъ былъ вытолкнутъ изъ скворешника.

III.

ТО БЫЛО ужасное утро. Въ первую минуту старый Воробей даже не могъ сообразить хорошенько, какъ это случилось... Нѣтъ, это

возмутительно, какъ вы хотите?!!

Но и съ этимъ можно было помириться: ну, забрался въ чужой скворешникъ, ну вытолкали,—только и всего. Если бы старому Воробью такое же шило въ сто клюва дать, какъ у скворца, такъ онъ всякаго бы вытолкалъ. Главное: стыдно... Да. Вотъ ужъ это скверно, когда захвастаешься, накричишь, наболтаешь,—ахъ какъ скверно!

— Напугалъ же ты скворцовъ! — кричалъ ему со двора Пѣтухъ.—Я хоть и въ супъ попаду, да у меня свое гнѣздо есть, а ты попрыгай на одной ножкѣ... Трещетка проклятая!.. Такъ тебѣ и надо...

— А ты чему обрадовался?—ругался старый Воробей.—Погоди, я тебѣ покажу... Я самъ бросилъ скворешникъ: великъ онъ мнѣ, да и дуетъ изъ щелей.

Бѣдная Воробиха сидѣла на крышѣ такая жалкая и убитая, и это еще больше разозлило стараго Во-

робья. Онъ подлетѣлъ къ ней и больно клюнулъ ее въ голову.

— Что ты сидишь душой? Только меня срамишь... Возьмемъ старое гнѣздо, и дѣлу конецъ. А со скворцами я еще рассчитаюсь...

Но племянники, устроившись въ гнѣздѣ, не хотѣли его отдавать ни за что. Подняли крикъ, шумъ и въ заключеніе вытолкнули стараго дядюшку. Это было похуже скворцовъ: свои же родные въ шею гонять, а ужъ онъ ли, кажется, не старался для нихъ.

Вотъ и дѣлай добро кому-нибудь... Воробыху прибилъ ни за что, гнѣздо потерялъ, а самъ на крышѣ остался съ семействомъ— какъ разъ налетитъ ястребъ и разорветъ въ клочья. Пригорюнился старый Воробей, присѣлъ на конекъ крыши отдохнуть и тяжело вздохнулъ. Эхъ, тяжело жить на свѣтѣ серьезной птицѣ!

— Какъ же мы теперь жить будемъ?—жалобна повторяла Воробыха. — У всѣхъ есть свои гнѣзда... Скоро дѣтей будутъ выводить, а мы такъ, видно, на крышѣ и останемся.

— Погоди, старуха, устроимся.

А главная обида была еще впереди. Выбѣжалъ на дворъ маленькій Сережка, захопалъ рученками отъ радости, что прилетѣли скворцы, и не могъ на нихъ налюбоваться. Отецъ тоже любовался и говорилъ:

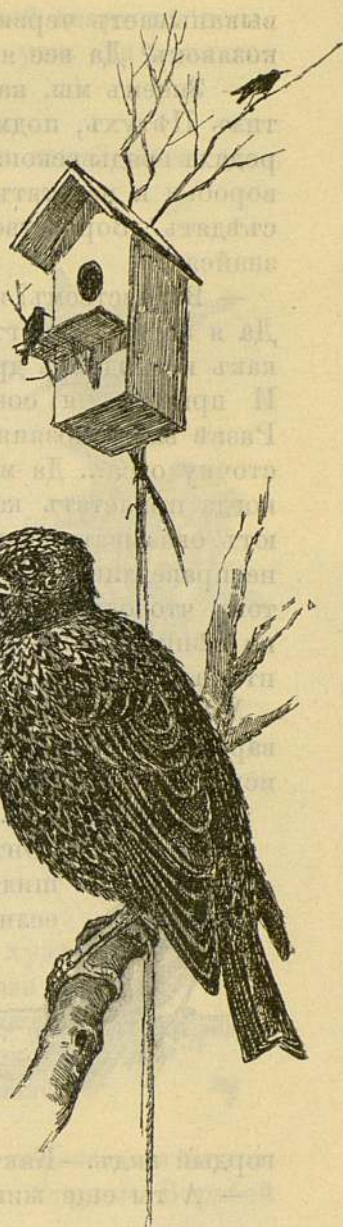
— Посмотри, какіе они красивые: точно шелковые. А какъ заливаются-поютъ?... Веселенькая птичка...

— А гдѣ же воробей, тятя, который жилъ въ скворешникѣ? Да вонъ онъ, на крышѣ сидитъ... У, какъ смѣшно нахохлился!...

— Да онъ всегда какой-то встрепанный... Что, братъ, не любишь?—обратился отецъ къ Воробью и весело засмѣялся.— Ну, впередъ наука: не забирайся, куда не слѣдуетъ. Не для тебя скворешникъ строили.

Даже куры, и тѣ смѣялись, теперь надъ несчастнымъ старымъ Воробьемъ. Вотъ до чего дожилъ старикъ... Онъ даже заплакалъ съ горя, а потомъ пришелъ въ себя и ободрился.

— Надъ чѣмъ вы смѣетесь?— гордо спросилъ онъ всѣхъ. — Ну, надъ чѣмъ?.. Сдѣлалъ я ошибку, это правда; а все-таки умнѣе васъ... А главное-то: я вольная птица. Да... И живу, чѣмъ Богъ послалъ, а кланяться въ люди не пойду. Куда бы вы всѣ дѣлись, если бы хозяинъ васъ не кормилъ и поилъ? И ты, Волчокъ, издохъ бы съ голода, и ты, глупая птица Пѣтухъ, тоже, и лошадь, и корова, а я прокормлю свою голову. Да... Вотъ я какой!.. И теперь поправлю свою бѣду, дайте срокъ... А тѣ зернышки, которыя я собираю иногда на дворѣ около васъ, тоже заработаны мной. Кто ловить мошекъ? кто

выкапываетъ червячковъ, ищетъ гусеницъ, всякихъ козявокъ? Да все я же, я...

— Знаемъ мы, какъ ты червячковъ ищешь,—замѣтилъ Пѣтухъ, подмигнувъ скворцамъ.—Вотъ въ огородахъ гряды вскопають, насадятъ гороху и бобовъ,—воробыи и налетятъ. Все разроютъ, а горохъ и бобы съѣдятъ. Воровствомъ живешь, воробушко, признайся...

— Воровствомъ? я?..—возмутился старый Воробей.—Да я первый другъ человѣка... Мы всегда вмѣстѣ, какъ и слѣдуетъ друзьямъ: гдѣ онъ—тамъ и я. Да... И притомъ, я совершенно безкорыстный другъ... Развѣ вашъ хозяинъ когда-нибудь бросилъ мнѣ горсточку овса?.. Да мнѣ и не нужно... Конечно, обидно, когда прилетятъ какіе-то вертопрахи и имъ начинаютъ оказывать всякій почетъ. Это, наконецъ, просто несправедливо... А вы даже этого не понимаете, потому что одинъ цѣлую жизнь въ оглобляхъ, другой на цѣпи, третій въ курятникѣ сидитъ... Я—вольная птица и живу здѣсь по собственному желанію.

Много говорилъ старый Воробей, возмущенный коварствомъ своего друга-человѣка. А потомъ вдругъ исчезъ... Нѣтъ стараго Воробья день, нѣтъ два, нѣтъ три дня.

— Онъ, вѣроятно, издохъ съ горя,—рѣшилъ Пѣтухъ.—Самая вздорная птица, если разобрать.

Прошла цѣлая недѣля. Однажды утромъ старый Воробей опять появился на крышѣ, такой веселый и довольный.

— Это я, братцы,—прочиликалъ онъ, принимая гордый видъ.—Какъ поживаете?

— А ты еще живъ, старичокъ?

— Слава Богу... Теперь на новой квартирѣ поселился. Отличная квартира... Эту ужъ для меня хозяинъ устроилъ.

— Можетъ быть, опять врешь?..

— Ага, хотите, чтобы я сказалъ вамъ? Нѣтъ, ша-лишь, теперь ужъ меня не проведешь... Пока прощайте!..

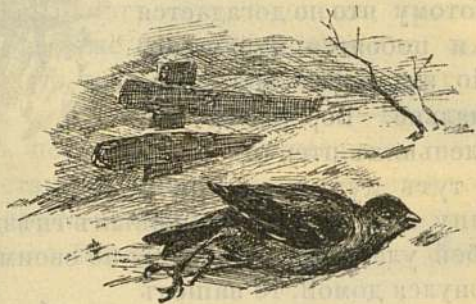
Старый Воробей не вралъ. Онъ, дѣйствительно, устроился. На грядѣ въ огородѣ стояло старое чучело. На палкѣ болтались какія-то лохмотья, а сверху надѣта была старая большая шляпа, — въ ней старый Воробей и устроилъ себѣ гнѣздо. Здѣсь ужъ никто его не тронетъ, потому что не догадается никто, да и побоятся страшнаго чучела. Но эта затѣя кончилась очень печально. Воробиха высидѣла маленькихъ птенчиковъ въ шляпѣ, а тутъ дунуль вихрь и унесъ шляпу вмѣстѣ съ воробьинымъ гнѣздомъ. Старый Воробей улеталъ въ это время по своимъ дѣламъ, а когда вернулся домой, то нашелъ только мертвыхъ птенчиковъ и убивавшуюся съ горя Воробиху. Впрочемъ, она не долго пережила своихъ дѣтокъ! перестала ѣсть, худѣла и, нахохлившись, неподвижно сидѣла гдѣ-нибудь на вѣткѣ цѣлые дни. Такъ она и умерла съ горя... Ахъ, какъ тосковалъ по ней старый Воробей, какъ убивался и плакалъ!...

Наступила поздняя осень. Всѣ перелетныя птицы уже отправились на теплый югъ. Старый Воробей

одинъ поселился въ пустомъ скворешникѣ. Онъ скверно себя чувствовалъ и почти совсѣмъ не чиликалъ. Когда выпалъ первый снѣгъ, и маленькій Сережка выбѣжалъ на дворъ съ саночками, то первое, что онъ увидѣлъ на ослѣпительно-бѣломъ снѣгу,—былъ маленькій трупикъ стараго Воробья. Бѣдняга замерзъ.

— А вѣдь жаль его,—бормоталъ Пѣтухъ глубоко-мысленно.—Какъ будто и не достаешь чего-то... Бывало все чиликаетъ, вездѣ вертится, ко всѣмъ лѣзетъ! Даже скучно стало на дворѣ безъ стараго Воробья...

ПРИЕМЫШЪ.

Изъ разсказовъ стараго охотника.

I.

Дождливый лѣтній день. Я люблю въ такую погоду бродить по лѣсу, особенно когда впереди есть теплый уголокъ, гдѣ можно обсушиться и обогрѣться. Да къ тому же, лѣтній дождь теплый. Въ городѣ въ такую погоду—грязь, а въ лѣсу земля жадно впитываетъ влагу, и вы идете по чуть отсырѣвшему коврику изъ прошлогодняго палаго листа и осыпавшихся иглъ сосны и ели. Деревья покрыты дождевыми каплями, которые сыплются на васъ при каждомъ движеніи. А когда выглянетъ солнце послѣ такого дождя, лѣсъ такъ ярко зеленѣетъ и весь горитъ алмазными искрами. Что-то праздничное и радостное кругомъ васъ,

и вы чувствуете себя на этомъ праздникѣ желаннымъ дорогимъ гостемъ.

Именно въ такой дождливый день я подходилъ къ Свѣтлому озеру, къ знакомому сторожу на рыбацкѣй соймѣ *) Тарасу. Дождь уже рѣдѣлъ. На одной сторонѣ неба показались просвѣты—еще немножко, и покажется горячее лѣтнее солнце. Лѣсная тропинка сдѣлала крутой поворотъ, и я вышелъ на отлогій мысъ, вдававшійся широкимъ языкомъ въ озеро. Собственно здѣсь было не самое озеро, а широкій протокъ между двумя озерами, и сойма приткнулась въ излучинѣ, на низкомъ берегу, гдѣ въ заливчикѣ ютились рыбацкія лодки. Протокъ между озерами образовался, благодаря большому лѣсистому острову, разлегшемуся зеленой шапкой напротивъ соймы.

Мое появленіе на мысу вызвало сторожевой окликъ собаки Тараса, — на незнакомыхъ людей она всегда лаяла особеннымъ образомъ, отрывисто и рѣзко, точно сердито спрашивала кто идетъ. Я люблю такихъ простыхъ собаченокъ за ихъ необыкновенный умъ и вѣрную службу...

Рыбачья избушка издали казалась повернутой вверхъ дномъ большой лодкой,—это горбилась старая деревянная крыша, проросшая веселой зеленой травой. Кругомъ избушки росла густая поросль изъ Иванъ-чая, шалфея и „медвѣжьихъ дудокъ“, такъ что у подходившаго къ избушкѣ человѣка виднѣлась одна голова. Такая густая трава росла только по берегамъ озера, потому что здѣсь достаточно было влаги, и почва была жирная.

Когда я подходилъ уже совсѣмъ къ избушкѣ, изъ травы кубаремъ вылетѣла на меня пестрая собаченка и залилась отчаяннымъ лаемъ.

*) Соймой на Уралѣ называютъ рыбацкія стоянки.

— Соболю, перестань... Не узнашь?

Соболю остановился въ раздумьи, но, видимо, еще не вѣрилъ въ старое знакомство. Онъ осторожно подошелъ, обнюхалъ мои охотничьи сапоги и только послѣ этой церемоніи виновато завилялъ хвостомъ. Дескать, виновать, ошибся, — а все-таки я долженъ стеречь избушку.

Избушка оказалась пустой. Хозяина не было, т. е. онъ, вѣроятно, отправился на озеро осматривать какую-нибудь рыболовную снасть. Кругомъ избушки все говорило о присутствіи живого человѣка: слабо курившійся огонекъ, охапка только что нарубленныхъ дровъ, сушившаяся на кольяхъ сѣть, топоръ, воткну-тый въ обрубокъ дерева. Въ пріотворенную дверь соймы виднѣлось все хозяйство Тараса: ружье на стѣнѣ, нѣсколько горшковъ на припечкѣ, сундучекъ подъ лавкой, развѣшенные снасти. Избушка была довольно просторная, потому что зимой, во время рыбнаго лова, въ ней помѣщалась цѣлая артель рабочихъ. Лѣтомъ старикъ жилъ одинъ. Несмотря ни на какую погоду, онъ каждый день жарко натапливалъ русскую печь и спалъ на полатахъ. Эта любовь къ теплу объяснялась почтеннымъ возрастомъ Тараса — ему было около девяноста лѣтъ; я говорю — около, потому что самъ Тарасъ забылъ, когда онъ родился. „Еще до француза“, какъ объяснялъ онъ, т. е. до нашествія французовъ въ Россію въ 1812 году.

Снявъ намокшую куртку и развѣсивъ охотничьи доспѣхи по стѣнкѣ, я принялся разводить огонь. Соболю вертѣлся около меня, предчувствуя какую-нибудь поживу. Весело разгорѣлся огонекъ, пустивъ вверхъ синюю струйку дыма. Дождь уже прошелъ. По небу неслись разорванныя облака, роняя рѣдкія капли. Кое-гдѣ синѣли просвѣты неба. А потомъ показалось и солнце, горячее іюльское солнце, подъ лу-

чами котораго мокрая трава точно задымилась. Вода въ озерѣ стояла тихо-тихо, какъ это бываетъ только послѣ дождя. Пахло свѣжей травой, шалфеемъ, смолистымъ ароматомъ недалеко стоявшаго сосняка. Вообще, хорошо, какъ только можетъ быть хорошо въ такомъ глухомъ лѣсномъ уголкѣ. Направо, гдѣ кончался протокъ, синѣла гладь Свѣтлаго озера, а за ней зубчатой каймой поднимались горы. Чудный уголокъ! и не даромъ старый Тарасъ прожилъ здѣсь цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Гдѣ-нибудь въ городѣ онъ не прожилъ бы и половины, потому что въ городѣ не купишь ни за какія деньги такого чистаго воздуха, а главное—этого спокойствія, которое охватывало здѣсь. Хорошо на соймѣ!.. Весело горитъ яркій огонекъ; начинаетъ припекать горячее солнце, глазамъ больно смотрѣть на сверкающую даль чуднаго озера. Такъ сидѣлъ бы здѣсь и, кажется, не разстался бы съ чуднымъ лѣснымъ привольемъ. Мысль о городѣ мелькаетъ въ головѣ, какъ дурной сонъ.

Въ ожиданіи старика я прикрѣпилъ на длинной палкѣ мѣдный походный чайникъ съ водой и повѣсилъ его надъ огнемъ. Вода уже начинала кипѣть, а старика все не было.

— Куда бы ему дѣться?—раздумывалъ я вслухъ.— Снасти осматриваютъ утромъ, а теперь полдень... Можетъ быть, поѣхалъ посмотреть, не ловить ли кто рыбу безъ спроса... Соболю, куда дѣвался твой хозяинъ?

Умная собака только виляла пушистымъ хвостомъ, облизывалась и нетерпѣливо взвизгивала. По наружности Соболю принадлежалъ къ типу такъ называемыхъ „промысловыхъ“ собакъ. Небольшого роста, съ острой мордой, стоячими ушами и загнутымъ вверхъ хвостомъ, онъ, пожалуй, напоминалъ обыкновенную дворнягу, съ той разницей, что дворняга не

нашла бы въ лѣсу бѣлки, не стѣмѣла бы „облаять“ глухаря, выслѣдить оленя,—однимъ словомъ, настоящая промысловая собака, лучший другъ человѣка. Нужно видѣть такую собаку именно въ лѣсу, чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить всѣ ея достоинства.

Когда этотъ „лучшій другъ человѣка“ радостно взвизгнулъ, я понялъ, что онъ завидѣлъ хозяина. Дѣйствительно, въ протокѣ черной точкой показалась

рыбачья лодка, огибавшая островъ. Это и былъ Тарасъ... Онъ плылъ, стоя на ногахъ, и ловко работалъ однимъ весломъ—настоящіе рыбаки всѣ такъ плаваютъ на своихъ лодкахъ, однодеревкахъ, называемыхъ не безъ основанія „душегубками“. Когда онъ под-

плыль ближе, я замѣтилъ, къ удивленію, плывшаго передъ лодкой лебедя.

— Ступай домой, гуляка!—ворчалъ старикъ, подгоняя красиво плывшую птицу. — Ступай, ступай... Вотъ я тебѣ дамъ..., уплывать, Богъ знаетъ куда... Ступай домой, гуляка!..

Лебедь красиво подплыль къ соймѣ, вышелъ на берегъ, встряхнулся и, тяжело переваливаясь на своихъ кривыхъ черныхъ ногахъ, направился къ избушкѣ.

II.

Старикъ Тарась былъ высокаго роста съ окладистой сѣдой бородой и строгими, большими сѣрыми глазами. Онъ все лѣто ходилъ босой и безъ шляпы. Замѣчательно, что у него всѣ зубы были цѣлы и волосы на головѣ сохранились. Загорѣлое широкое лицо было изборождено глубокими морщинами. Въ жаркое время онъ ходилъ въ одной рубахѣ изъ крестьянскаго синяго холста.

— Здравствуй, Тарась!

— Здравствуй, баринъ!

— Откуда Богъ несетъ?

— А вотъ за *Пріемьшемъ* плавалъ, за лебедемъ... Все тутъ вертѣлся, въ протокъ, а потомъ вдругъ и пропалъ. Ну, я сейчасъ за нимъ. Выѣхалъ въ озеро—нѣтъ, по заводямъ проплыль—нѣтъ; а онъ за островомъ плаваетъ.

— Откуда досталъ-то его, лебедя?

— А Богъ послалъ... да! Тутъ охотники изъ господъ наѣзжали; ну, лебедя съ лебедушкой и пристрѣлили; а вотъ этотъ остался. Забился въ камыши и сидитъ. Летать-то не умѣетъ, вотъ и спрятался ребячьимъ дѣломъ. Я, конечно, ставилъ сѣти подлѣ камышей, ну, и поймалъ его. Пропадетъ одинъ-то,

ястреба заѣдятъ, потому какъ смыслу въ емъ еще настоящаго нѣтъ. Сиротой остался. Вотъ я его привезъ и держу. И онъ тоже привыкъ... Теперь вотъ скоро мѣсяцъ будетъ, какъ живемъ вмѣстѣ. Утромъ на зарѣ поднимется, поплаваетъ въ протокъ, покормится, а потомъ и домой. Знаетъ, когда я встаю и ждетъ, чтобы покормили. Умная птица, однимъ словомъ, и свой порядокъ знаетъ...

Старикъ говорилъ необыкновенно любовно, какъ о близкомъ человѣкѣ. Лебедь приковывалъ къ самой избушкѣ и, очевидно, выжидалъ какой-нибудь подачки.

— Улетить онъ у тебя, дѣдушка...— замѣтилъ я.

— Зачѣмъ ему летѣть? И здѣсь хорошо: сытъ, кругомъ вода...

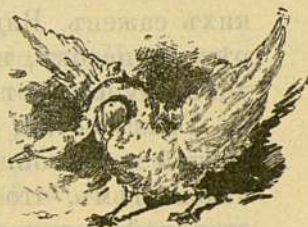
— А зимой?

— Перезимуетъ вмѣстѣ со мной въ избушкѣ. Мѣста хватить, а намъ съ Собошкой веселѣе. Какъ-то одинъ охотникъ забрелъ ко мнѣ на сойму, увидалъ лебедя и говоритъ вотъ также: „Улетить, ежели крылья не подрѣжешь“. А какъ же можно увѣчить Божью птицу. Пусть живетъ, какъ ей отъ Господа указано... Человѣку указано одно, а птицѣ другое... Не возьму я въ толкъ, зачѣмъ господа лебедей застрѣлили. Вѣдь и ѣсть не стануть, а такъ, для озорства...

Лебедь точно понималъ слова старика и посматривалъ на него своими умными глазами.

— А какъ онъ съ Собошкой? — спросилъ я.

— Сперва-то боялся, а потомъ привыкъ. Теперь лебедь-то въ другой разъ у Собошки и кусокъ отниметъ. Песъ

заворчить на него, а лебедь его крыломъ... Смѣшно на нихъ со стороны смотрѣть. А то гулять вмѣстѣ отправятся: лебедь по водѣ, а Соболюшко по берегу. Пробовалъ пестъ плавать за нимъ, ну, да ремесло-то не то—чуть не потонулъ. А какъ лебедь уплыветъ, Соболюшко ищетъ его. Сядетъ на бережку и воетъ... Дескать, скучно мнѣ, псу, безъ тебя, другъ сердечный. Такъ вотъ и живемъ втроемъ.

Я очень любилъ старика. Рассказывалъ онъ ужъ очень хорошо и зналъ много. Бываютъ такіе хорошие умные старики. Много лѣтнихъ ночей приходилось коротать на соймѣ, и каждый разъ узнаешь что-нибудь новое. Прежде Тарасъ былъ охотникомъ и зналъ мѣста кругомъ верстъ на пятьдесятъ, зналъ всякій обычай лѣсной птицы и лѣсного звѣря; а теперь не могъ уходить далеко и зналъ одну свою рыбу. На лодкѣ плавать легче, чѣмъ ходить съ ружьемъ по лѣсу, а особенно по горамъ. Теперь ружье оставалось у Тараса только по старой памяти, да на всякій случай, если бы забѣжалъ волкъ. По зимамъ волки заглядывали на сойму и давно уже точили зубы на Соболюшку. Только Соболюшко былъ хитеръ и не давался волкамъ.

Я остался на соймѣ на цѣлый день. Вечеромъ ѣздили удить рыбу и ставили сѣти на ночь. Хорошо Свѣтлое озеро, и не даромъ оно названо свѣтлымъ,— вода въ немъ совершенно прозрачная, такъ что плывешь на лодкѣ и видишь все дно на глубинѣ нѣсколькихъ сажень. Видны и пестрые камушки, и желтый рѣчной песокъ, и водоросли, видно, какъ и рыба ходитъ „руномъ“, т. е. стадомъ. Такихъ горныхъ озеръ на Уралѣ сотни, и всѣ они отличаются необыкновенной красотой. Отъ другихъ Свѣтлое озеро отличалось тѣмъ, что прилегалo къ горамъ только одной стороной, а другой выходило „въ степь“, гдѣ начи-

налась благословенная Башкирія. Кругомъ Свѣтлаго озера разлеглись самыя привольныя мѣста, а изъ него выходила бойкая горная рѣка, разливавшаяся по степи на цѣлую тысячу верстъ. Длинной озеро было до двадцати верстъ, да въ ширину около десяти. Глубина достигала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сажень пятнадцати... Особенную красоту придавала ему группа лѣсистыхъ острововъ. Одинъ такой островокъ отбилъ на самую середину озера и назывался Голодаемъ, потому что, попавъ на него въ дурную погоду, рыбаки не разъ голодали по нѣсколькимъ днямъ.

Тарасъ жилъ на Свѣтломъ уже сорокъ лѣтъ. Когда-то у него была и своя семья, и домъ, а теперь онъ жилъ бобылемъ. Дѣти перемерли, жена тоже умерла, и Тарасъ безвыходно оставался на Свѣтломъ по цѣлымъ годамъ.

— Не скучно тебѣ, дѣдушка? — спросилъ я, когда мы возвратились съ рыбной ловли. — Жутко одинокому-то въ лѣсу...

— Одному? Тоже и скажетъ баринъ... Я тутъ князь-княземъ живу. Все у меня есть... И птица всякая, и рыбка, и травка. Конечно, говорить онѣ не умѣютъ, да я-то понимаю все. Сердце радуется въ другой разъ посмотрѣть на Божью тварь... У всякой свой порядокъ и свой умъ. Ты думаешь, зря рыбка плаваетъ въ водѣ или птица по лѣсу летаетъ? Нѣтъ, у нихъ заботы не меньше нашего... Эвонъ, погляди, лебедь-то дожидается насъ съ Соболюшкой. Ахъ, прокурать...

Старикъ ужасно былъ доволенъ своимъ Приемышемъ, и всѣ разговоры въ концѣ-концовъ сводились на него.

— Гордая, настоящая царская птица, — объяснилъ онъ. — Помани его кормомъ, да не дай — въ другой разъ и не подойдетъ. Свой характеръ тоже имѣетъ,

даромъ что птица... Съ Соболькой тоже себя очень гордо держать. Чуть что, сейчасъ крыломъ, а то и носомъ долбанетъ. Извѣстно, пестъ въ другой разъ съозорничать захочетъ, зубами поровить за хвостъ поймать, а лебедь его по мордѣ... Это тоже не игрушка, чтобы за хвостъ хватать.

Я переночеваль и утромъ на другой день собрался уходить.

— Ужо по осени приходи, — говорилъ старикъ на прощаньи. — Тогда рыбу лучить будемъ съ остройгой... Ну, рябчиковъ пострѣляемъ. Осенній рябчикъ жирный.

— Хорошо, дѣдушка, прїѣду какъ-нибудь.

Когда я отходилъ, старикъ меня вернулъ.

— Посмотри-ка, баринъ, какъ лебедь-то разыгрался съ Соболькой...

Дѣйствительно, стоило полюбоваться оригинальной картиной. Лебедь стоялъ, раскрывъ крылья, а Со-

болько съ визгомъ и лаемъ нападалъ на него. Умная птица вытягивала шею и шипѣла на собаку, какъ это дѣлають гуси. Старый Тарасъ отъ души смѣялся надъ этой сценой, какъ ребенокъ.

III.

Въ слѣдующій разъ я попалъ на Свѣтлое озеро уже поздней осенью, когда выпалъ первый снѣгъ. Лѣсъ и теперь былъ хорошъ. Кое-гдѣ на берегахъ еще оставался желтый листь. Ели и сосны казались зеленѣе, чѣмъ лѣтомъ. Сухая осенняя трава выглядывала изъ-подъ снѣга желтой щеткой. Мертвая тишина царила кругомъ, точно природа, утомленная лѣтней кипучей работой, теперь отдыхала. Свѣтлое озеро казалось больше, потому что не стало прибрежной зелени. Прозрачная вода потемнѣла, и въ берегъ съ шумомъ била тяжелая осенняя волна.

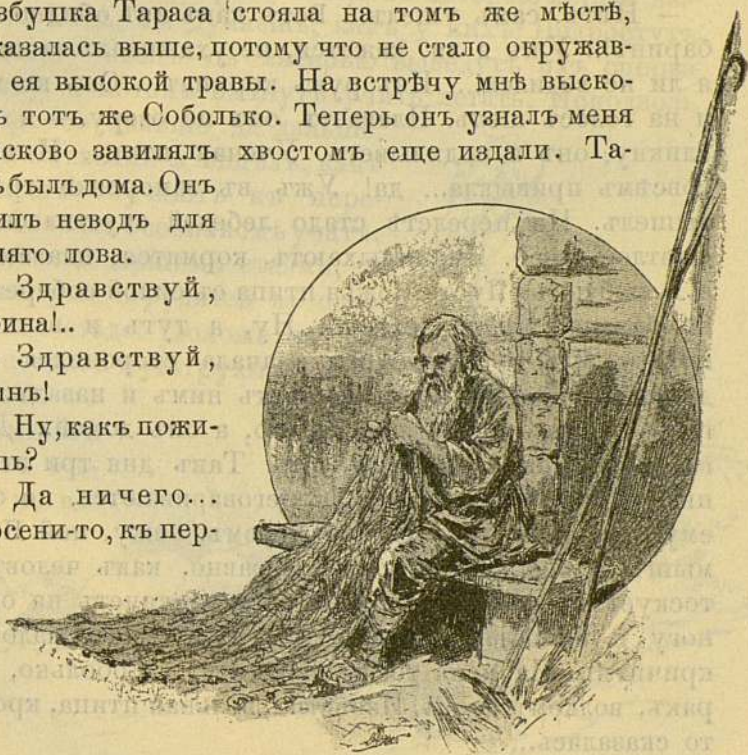
Избушка Тараса стояла на томъ же мѣстѣ, но казалась выше, потому что не стало окружавшей ея высокой травы. На встрѣчу мнѣ выскочилъ тотъ же Соболюшко. Теперь онъ узналъ меня и ласково завилалъ хвостомъ еще издали. Тарасъ былъ дома. Онъ чинилъ неводъ для зимняго лова.

— Здравствуй, старина!..

— Здравствуй, баринъ!

— Ну, какъ поживаешь?

— Да ничего... По осени-то, къ пер-

вому снѣгу прихворнулъ малость. Ноги болѣли... Къ непогодѣ у меня завсегда такъ бываетъ.

Старикъ, дѣйствительно, имѣлъ утомленный видъ. Онъ казался теперь такимъ дряхлымъ и жалкимъ. Впрочемъ, это происходило, какъ оказалось, совсѣмъ не отъ болѣзни. За чаемъ мы разговорились, и старикъ разсказалъ свое горе.

— Помнишь, баринъ, лебедя-то?

— Приемыша?

— Онъ самый... Ахъ, хороша была птица!.. А вотъ мы опять съ Соболюшкой остались одни... Да, не стало Приемыша!..

— Убили охотники?

— Нѣтъ, самъ ушелъ... Вотъ какъ мнѣ обидно это, баринъ!.. Ужъ я ли, кажется, не ухаживалъ за нимъ, я ли не водился!.. Изъ рукъ кормилъ... Онъ ко мнѣ и на голосъ шелъ. Плаваетъ онъ по озеру, — я его кликну, онъ и подплыветъ. Ученая птица. И вѣдь совсѣмъ привыкла... да! Ужъ въ заморозки грѣхъ вышелъ. На перелетѣ стадо лебедей спустилось на Свѣтлое озеро. Ну, отдыхаютъ, кормятся, плаваютъ, а я люблюсь. Пусть Божья птица съ силой соберется: не близкое мѣсто летѣть... Ну, а тутъ и вышелъ грѣхъ. Мой-то Приемышъ сначала сторонился отъ другихъ лебедей: подплыветъ къ нимъ и назадъ. Тѣ гогочутъ, по-своему зовутъ его, а онъ домой... Дескать, у меня свой домъ есть. Такъ дня три это у нихъ было. Все, значить, переговариваются, по-своему, по птичьему. Ну, а потомъ, вижу, мой Приемышъ затосковалъ... Вотъ все равно, какъ человѣкъ тоскуетъ. Выйдетъ это на берегъ, встанетъ на одну ногу и начнетъ кричать. Да, вѣдь, какъ жалобно кричить... На меня тоску нагонить, а Соболюшко, дуракъ, волкомъ воетъ. Извѣстно, вольная птица, кровь-то сказалась...

Старикъ замолчалъ и тяжело вздохнулъ.

— Ну, и что же, дѣдушка?

— Ахъ, и не спрашивай... Заперъ я его въ избушку на цѣлый день, такъ онъ и тутъ донялъ. Станетъ на одну ногу у самой двери и стоять, пока не сгонишь его съ мѣста. Только вотъ не скажетъ человѣчьимъ языкомъ: „Пусти, дѣдушко, къ товарищамъ. Они-то въ теплую сторону полетятъ, а что я съ вами тутъ буду зимой дѣлать?“ Ахъ, ты, думаю, какая задача. Пустить—улетитъ за стадомъ и пропадетъ...

— Почему пропадетъ?

— А какъ же?.. Тѣ-то на полной волѣ выросли. Ихъ, молодые которые, отецъ съ матерью летать учили. Вѣдь, ты думаешь, какъ у нихъ? Подростутъ лебедята, — отецъ съ матерью выведутъ ихъ сперва на воду, а потомъ начнутъ учить летать. Исподволь учать: все дальше да дальше. Своими глазами я видѣлъ, какъ молодыхъ обучаютъ къ перелету. Сначала особнякомъ учать, потомъ небольшими стаями, а потомъ уже сгрудятся въ одно большое стадо. Похоже на то, какъ солдаты муштрують... Ну, а мой-то Пріемышъ одинъ выросъ и, по-

читай, никуда не летать. Поплаываетъ по озеру — только и всего ремесла. Гдѣ же ему перелетѣть выдержать, когда надо сколько тысячъ верстѣ перелетѣть. Выбьется изъ силъ, отстанетъ отъ стада и пропадетъ... Не привыченъ къ дальнему лету.

Старикъ опять замолчалъ.

— А пришлось выпустить, — съ грустью заговорилъ онъ. — Все равно, думаю, ежели удержу его на зиму, затоскуетъ и схирѣетъ. Ужъ птица такая особенная. Ну, и выпустилъ. Присталъ мой Приемышъ къ стаду, поплавалъ съ нимъ день, а къ вечеру опять домой. Такъ два дня приплывалъ. Тоже хотъ и птица, а тяжело съ своимъ домомъ разставаться. Это онъ прощаться плавалъ, баринъ... Въ послѣдній-то разъ отплылъ отъ берега этакъ саженъ на двадцать, остановился и какъ, братецъ ты мой, крикнетъ по своему. Дескать, „спасибо, дѣдушко, за хлѣбъ-за соль!..“ Только я его и видѣлъ. Остались мы опять съ Соболюшкой одни. Первое-то время сильно мы оба тосковали. Спрошу его: „Соболюшко, а гдѣ нашъ Приемышъ?“ А Соболюшко сейчасъ выть... Значить, жалѣетъ. И сейчасъ на берегъ, и сейчасъ искать друга милаго... Мнѣ по ночамъ все грозилося, что Приемышъ-то тутъ. Вотъ полощется у берега и крылышками хлопаетъ. Выйду — никого нѣтъ...

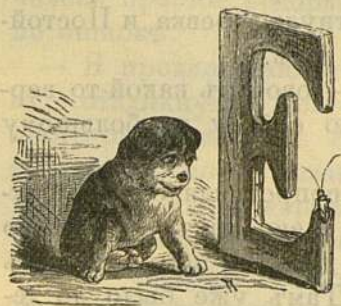
Вотъ какое дѣло вышло баринъ.

ПОСТОЙКО.

(Разсказъ).

I.

ДВА только дворникъ отворилъ калитку, какъ Постойко съ необыкновенной ловкостью проскользнулъ мимо него на улицу. Это случилось рано утромъ. Постойкѣ необходимо было подраться съ пойнтеромъ изъ сосѣдняго дома,—его выпускали погулять въ это время. — А, ты опять здѣсь, мужланъ!—проворчалъ пойнтеръ, скаля свои бѣлые длинные зубы и вытягивая хвостъ палкой.—Я тебѣ задамъ...

Постойко задралъ еще сильнѣе свой пушистый хвостъ, свернутый кольцомъ, оцетинился и смѣло пошелъ на врага. Они встрѣчались каждый день въ это время и каждый разъ дрались до остервенѣнія. Охотничій песъ не могъ видѣть равнодушно кудластаго двороваго пса, а тотъ, въ свою очередь, сгоралъ отъ нетерпѣнія запустить свои бѣлые зубы въ выхоленную кожу важничавшаго барина. Пойнтера звали Аргусомъ, и онъ даже былъ разъ на собачьей выставкѣ, въ самомъ отборномъ обществѣ другихъ

породистыхъ и такихъ же выхоленныхъ собакъ. Враги медленно подходили другъ къ другу, поднимали шерсть, скалили зубы и только хотѣли вцѣпиться, какъ вдругъ въ воздухѣ свистнула длинная веревка и змѣей обвила Аргуса. Онъ жалобно взвизгнулъ отъ боли, присѣлъ и даже закрылъ глаза. А Постоико лѣтѣлъ вдоль улицы стремглавъ, спасаясь отъ бѣжавшихъ за нимъ людей съ веревками. Онъ хотѣлъ улизнуть куда-нибудь въ ворота, но вездѣ все было еще заперто. Впереди выбѣжали дворники и загородили Постоикѣ дорогу. Опять свистнула веревка, и Постоико очутился съ арканомъ на шеѣ.

— А, попался, голубчикъ!—говорилъ какой-то верзила, подтаскивая несчастную собаку къ большому фургону.

Постоико сначала отчаянно сопротивлялся, но проклятая веревка ужасно давила шею, такъ что у него въ глазахъ помутилось. Онъ даже не помнилъ, какъ его втокнули въ фургонъ. Тамъ уже было до десятка разныхъ собакъ, скромно жавшихся по угламъ: два мопса, болонка, сеттеръ, водолазъ и нѣсколько бездомныхъ уличныхъ собаченокъ, такихъ тощихъ и жалкихъ, а въ ихъ числѣ и Аргусъ, забившійся со страху въ самый дальнѣй уголъ.

— Могли-бы и повѣжливѣе обращаться съ нами,—пропищала болонка, сторонясь отъ уличныхъ собакъ.— Моя генеральша узнаетъ, такъ задастъ...

Эта противная собачонка ужасно важничала, и Постоико съ удовольствіемъ потрепалъ бы ее, но сейчасъ было не до нея. Пойманныя собаки чувствовали себя сконфуженными и на время позабыли всѣ свои собачьи расчеты. Спокойнѣе всѣхъ держалъ себя водолазъ. Онъ не обращалъ ни на кого вниманія, улегся по самой срединѣ и зажмурился съ такой важностью, точно какая важная особа.

— Господинъ Водолазъ, какъ вы полагаете?—обратилась къ нему болонка, виляя пушистымъ бѣлымъ хвостомъ.—Здѣсь такъ грязно, а я не привыкла... Наконецъ, какое общество... фи!.. Конечно, меня схватили по ошибкѣ и сейчасъ-же выпустятъ, но все-таки непріятно. Пахнетъ здѣсь отвратительно...

Водолазъ полуоткрылъ одинъ глазъ, презрительно посмотрѣлъ на болонку и еще важнѣе задремалъ.

— Вы совершенно правы, сударыня,—отвѣтилъ за него одинъ изъ мопсовъ, пріятно оскabiaясь.—Случилось простое недоразумѣніе... Мы всѣ попали сюда по ошибкѣ.

— Я предполагаю, что насъ отправятъ на выставку,—откликнулся Аргусъ изъ своего угла; онъ немного оправился отъ страха.—Я уже разъ былъ на выставкѣ и могу сказать, что тамъ совсѣмъ не дурно. Главное, хорошо кормятъ...

Одна изъ уличныхъ собаченокъ горько засмѣялась. Нечего сказать, на хорошую выставку привезутъ: она уже бывала въ фургонѣ и только по счастливой случайности вырвалась.

— Насъ всѣхъ привезутъ въ пріютъ и тамъ повѣсятъ,—сообщила она пріятную новость всей собачьей компаніи.—Я даже видѣла, какъ это дѣлаютъ. Длинный такой сарай, а въ немъ висятъ веревки...

— Ахъ, замолчите, мнѣ дурно...—запищала болонка.—Ахъ, дурно!..

— Повѣсятъ?—удивлялся водолазъ, открывая глаза.—Желалъ-бы я знать, кто смѣетъ подойти ко мнѣ?..

Бѣдный Постойко весь задрожалъ, когда услышалъ роковое слово. Онъ даже почувствовалъ, какъ будто его шею уже что-то давитъ. За что-же повѣсятъ? Неужели за то, что онъ хотѣлъ подраться съ Аргусомъ?.. И Постойко, и Аргусъ старались не смотрѣть теперь другъ на друга, точно никогда и не встрѣ-

чались. Отчасти имъ было совѣстно, а отчасти и не до того, чтобы продолжать старую вражду.

— „Пусть ужъ лучше Аргуса повѣсятъ, — думалъ Постойко:—только меня бы выпустили“...

Конечно, такъ не хорошо было думать, но въ скверныхъ обстоятельствахъ каждый заботится больше всего только о себѣ одномъ. Фургонъ покатился дальше, и дверь съ желѣзной рѣшеткой отворялась только для того, чтобы принять новыя жертвы. Сегоднешняя охота на бродячихъ собакъ была особенно удачна, и верзила, заправлявшій всѣмъ дѣломъ, рѣшилъ, что на сегодня достаточно.

— Ступай домой,—сказалъ онъ кучеру.

Нечего сказать, пріятное путешествіе „домой“!.. Всѣ собаки чувствовали себя очень скверно, а одинъ маленький мопсикъ даже взвылъ. Помилуйте, что-же это такое!.. А фургонъ все катился, медленно и тяжело, точно на край свѣта. Собакъ было много, и онѣ по-неволѣ толкали другъ друга, когда фургонъ раскачивался въ ухабахъ; а такихъ ухабовъ чѣмъ дальше, тѣмъ было больше. Такимъ образомъ, въ этой толкотнѣ Постойко и не замѣтилъ, какъ очутился рядомъ съ Аргусомъ, даже ткнулъ его своей мордой въ бокъ.

— Извините, вы меня тычете своей мордой... — замѣтилъ Аргусъ съ ядовитой любезностью хорошо воспитанной собаки; но, узнавъ пріятеля, прибавилъ шопотомъ:—А, вѣдь, скверная исторія, Постойко!.. Я, по крайней мѣрѣ, не имѣю никакого желанія болтаться на веревкѣ... Впрочемъ, меня хозяинъ выкупить.

Постойко удрученно молчалъ. У него не было хозяина, а жилъ онъ какъ-то такъ, безъ хозяевъ. Въ городъ его привезли изъ деревни всего мѣсяцъ назадъ.

II.

Пріютъ для бродячихъ собакъ помѣщался на краю города, гдѣ уже не было ни мостовыхъ, ни фонарей, а маленькія избушки вросли совсѣмъ въ землю, точно гнилые зубы. Помѣщеніе пріюта состояло изъ двухъ старыхъ сараевъ: въ одномъ держали собакъ, а въ другомъ ихъ вѣшали. Когда фургоны въѣхали во дворъ, изъ перваго сарая послышался такой жалобный вой и лай, что у Постоики сердце сжалось. Пришелъ, видно, ему конецъ...

— Сегодня полонъ фургонъ, — хвастался верзила, когда вышелъ смотритель съ коротенькой трубкой въ зубахъ.

— Разсортируйте ихъ по породамъ... — приказалъ смотритель, равнодушно заглядывая въ фургонъ.

— Господинъ смотритель! — пищала болонка, — выпустите меня, пожалуйста: мнѣ ужъ надоѣло сидѣть въ вашемъ дурацкомъ фургонѣ.

Смотритель даже не взглянулъ на нее.

— Вотъ невѣжа! — ворчала болонка.

Когда отворили дверь сарая, гдѣ содержались собаки, тамъ поднялся такой лай, визгъ и вой, что сжалось бы самое жестокое сердце. Верзила вытаскивалъ за шиворотъ изъ фургона одну собаку за другой и сносилъ въ сарай. Появленіе новичка на время утишало бурю. Послѣднимъ былъ выведенъ водолазъ и помѣщенъ въ особомъ отдѣленіи. Съ какой радостью встрѣчали новичковъ сидѣвшіе въ заключеніи собаки: точно дорогихъ гостей. Онѣ ихъ обнюхивали, лизали и ласкали, какъ родныхъ. Постоико попалъ въ отдѣленіе бездомныхъ уличныхъ собакъ, которыя отнеслись къ нему съ большимъ сочувствіемъ.

— Какъ это тебя угораздило... а? спрашивалъ лхматый барбось.

— Да ужъ такъ... Только хотѣлъ подраться съ однимъ франтомъ, насъ обоихъ и забрали. Я, было, задалъ тягу вдоль по улицѣ, но тутъ дворники загородили дорогу. Однимъ словомъ, скверная исторія... Одно, что меня утѣшаетъ, такъ это то, что и франтъ тоже попался. Онъ къ охотничьимъ собакамъ посаженъ... Такой голенастый и хвостъ палкой.

— Съ ошейникомъ?

— Да... Эти франты всегда въ ошейникахъ щеголяютъ.

— Ну, такъ его хозяинъ выкупить.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Постойко узналъ всѣ порядки этого собачьяго пріюта. Пойманныхъ собакъ разсаживали по клѣткамъ и держали пять дней. Если хозяинъ не приходилъ выкупать собаку, ее уводили въ другой сарай и вздергивали на веревку. Постойко былъ ужасно огорченъ: оставалось жить, можетъ быть, всего пять дней... Это ужасно!.. И все изъ-за того только, что выскочилъ подраться съ проклятымъ франтомъ. Впрочемъ, и повѣсятъ вмѣстѣ, потому что срокъ одинаковый. Плохое утѣшеніе, но все-таки утѣшеніе.

— Вотъ, этой желтенькой собаченгѣ осталось жить всего одинъ день,—сообщалъ барбось.—А вотъ той, пестрой, сегодня...

— А тебѣ?

— Ну, мнѣ еще долго: цѣлыхъ три дня. Съ часу на часъ жду, когда придутъ за мной... Порядочно-таки надоѣло здѣсь сидѣть. Кстати, не хочешь-ли кусить? Вонъ, въ корытѣ болтушка... Кушанье прескверное, но приходится жрать всякую дрянъ...

Огорченный Постойко не могъ даже подумать о пищѣ. До ѣды-ли, когда, того гляди, повѣсятъ! Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на пеструю маленькую себачку, которая была уже на очереди. Бѣдная вздраги-

вала и жмурилась, когда слышались шаги и отворялась входная дверь. Можетъ быть, это идутъ за ней.

— А ты все-таки закуси, — совѣтоваль барбось. — Очень ужъ скучно здѣсь сидѣть... Вонъ тѣ франты, охотничьи собаки, не ѣдятъ дня по три съ горя, ну, а, мы простыя дворняги, и намъ не до церемоній. Голодъ не тетка... Ты изъ деревни?

Постойко разсказаль свою исторію. Родился и выросъ онъ далеко отъ этого проклятаго города, въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ ни дворниковъ, ни большихъ каменныхъ дворовъ, ни собачьихъ пріютовъ, ни фургонновъ, а все такъ просто: за деревней рѣка, за рѣкой поля, за полями лѣсъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ въ деревню пріѣхали господа на дачу. Вотъ онъ на свою бѣду познакомился съ ними, вѣрнѣе сказать, они сами познакомились съ нимъ. Былъ у нихъ такой кудрявый мальчикъ, Боря, — увидалъ деревенскую собаку и засмѣялся. Какая смѣшная собака; шерсть торчитъ клочьями, хвостъ крючкомъ, а цвѣтъ шерсти такой грязный, точно она сейчасъ изъ лужи. Да и кличка тоже смѣшная: Постойко!.. — „Эй, Постойко, иди сюда!“ Сначала Постойко отнесся къ городскому мальчику очень недовѣрчиво, а потомъ соблазнился телячьей косточкой. Именно, эта косточка и погубила его... Сталъ онъ самъ приходить на дачу къ господамъ и выжидать подачекъ. Боря любилъ съ нимъ играть, и они вмѣстѣ пропадали по цѣлымъ днямъ въ лѣсу, на поляхъ, на рѣкѣ. Ахъ, какое хорошее было время и какъ быстро оно промелькнуло! Постойко настолько познакомился, что смѣло приходилъ въ комнаты, валялся по коврамъ и, вообще, чувствовалъ себя, какъ дома. Главное, отличная была ѣда у господъ: до того наѣшья, что даже дышать трудно. Но наступила осень, и господа начали собираться въ городъ. Маленькій Боря непрѣменно захотѣлъ взять По-

стойка съ собой, какъ его ни уговаривали оставить эту затѣю. Такимъ образомъ, Постойко и попалъ въ большой городъ, гдѣ Боря скоро совсѣмъ забылъ его. Приютился Постойко на дворѣ и жилъ кое-какъ со дня на день. Помнила о немъ только одна кухарка Андреевна, которая и кормила его, и ласкала, — они были изъ одной деревни. Впрочемъ, Постойко очень скоро привыкъ къ бойкой городской жизни и любилъ показывать свою деревенскую удалъ на городскихъ изнѣженныхъ собакахъ.

— Что-же, можно и въ городѣ жить, — согласился барбось. — Только я одного не понимаю: за что такая честь этимъ моськамъ и болонкамъ? Даже обидно дѣлается, когда на нихъ смотришь... Ну, для чего онѣ? Вотъ охотничьи собаки, или водолазы — тѣ другое дѣло. Положимъ, онѣ важничаютъ, но все-таки настоящія собаки. А то какая-нибудь моська!.. тѣфу!.. Даже и здѣсь имъ честь: ихъ и вѣшаютъ не въ очередь, а ждутъ лишнюю недѣлю — не возьметъ-ли ктонибудь. И находятся дураки, берутъ... Это просто несправедливо!.. Только-бы мнѣ выбраться отсюда, я бы задалъ моськамъ...

Не успѣлъ барбось излить своего негодованія, какъ появился смотритель въ сопровожденіи горничной.

— Ваша собака сегодня пропала? — спрашивалъ смотритель.

— Да... Такая маленькая, бѣленькая... зовутъ „Боби“, — объясняла горничная.

— Я здѣсь... — запищала жалобно болонка.

— Ну, слава Богу, — обрадовалась горничная. — А то генеральша пообѣщала отказать мнѣ отъ мѣста, если не разыщу собаки.

— Она уплатила деньги, взяла болонку на руки и ушла.

— Вотъ видишь, — замѣтилъ сердито барбось. — Всег-

да такъ: настоящую собаку не цѣнять, а дрянъ берегутъ и холятъ.

III.

Какъ ужасно долго тянулись дни для заключенныхъ... Даже ночь не приносила покоя. Собаки бредили во снѣ, лаяли и взвизгивали. Тревога начиналась вмѣстѣ съ дневнымъ свѣтомъ, который заглядывалъ въ щели сарая золотистыми лучами и колебавшимися жирными пятнами свѣта. Просыпались раньше другихъ маленькія собачонки и начинали безпокойно прислушиваться къ малѣйшему шуму извнѣ. Къ нимъ присоединялись охотничьи. Густой лай водолаза слышался послѣднимъ, — точно кто колотилъ пудовой гирей по дну пустой бочки. Часто поднималась ложная тревога.

— Идутъ, идутъ!..

Вой и визгъ усиливались, превращаясь въ дикій концертъ, а потомъ все смолкало разомъ, когда никто не приходилъ.

Но вотъ слышались шаги... Все настраживалось. Собачій чуткій слухъ старался узнать знакомую походку. Начинались взвизгиванья. Когда дверь растворялась, и въ нее врывался яркій дневной свѣтъ, все мгновенно стихало. У деревянныхъ рѣшотокъ виднѣлись собачьи головы, жадными глазами искавшія хозяевъ. Вотъ идетъ смотритель съ своей неизмѣнной трубочкой, за нимъ вышагиваетъ верзила, ловившій собакъ арканомъ, — онъ-же и вѣшалъ ихъ. За ними являлись посѣтители, разыскивавшіе своихъ собакъ. Чей-то хозяинъ пришелъ!.. Кого выпустятъ на волю?.. Водолазъ чуть не разломалъ рѣшотку, когда увидѣлъ своего хозяина. Какъ запрыгала эта тяжелая машина, оглушая своимъ лаемъ весь сарай!..

— Ну, что, братъ, не понравилось? — шутилъ хозяинъ. — То-то, впередъ будь умнѣй...

Комнатныя собачонки съ визгомъ лѣзли къ рѣшоткѣ, отталкивая другъ друга. Нѣкоторые становились на заднія лапки. Но приходившіе брали только своихъ собакъ и уходили. Стотритель обходилъ всѣ отдѣленія и коротко говорилъ:

— Повѣсьте очередныхъ...

Верзила готовъ былъ, кажется, перевѣшать всѣхъ собакъ на свѣтѣ,—съ такимъ удовольствіемъ онъ выбиралъ своихъ жертвъ. Изъ отдѣленія, въ которомъ сидѣлъ Постойко, уведена была пестрая собачка. Она такъ истомилась ожиданіемъ, что совершенно покорно шла за своимъ мучителемъ: лучше смерть, чѣмъ это ужасное томленіе и неизвѣстность. Потомъ увели желтенькую собачку и стараго охотничьяго сеттера.

Такъ прошли три длинныхъ безконечныхъ дня. Подходила очередь барбоса, который замѣтно притихъ.

— Если сегодня за мной не придутъ... — говорилъ онъ утромъ.—Нѣтъ, этого не можетъ быть!.. За что же меня вѣшать?.. Кажется, я служилъ вѣрой и правдой?..

— Придутъ,—успокаивалъ его Постойко.—Нельзя же оставлять хорошую собаку въ такомъ положеніи...

Жалко было смотрѣть на этого барбоса, когда отворялась дверь, и когда онъ не находилъ своего хозяина среди входившихъ. „Мнѣ всего осталось жить нѣсколько часовъ?“—говорили съ отчаяніемъ эти добрые собачьи глаза.—„Всего нѣсколько часовъ“... Какъ быстро летѣло время! А тутъ всего нѣсколько часовъ...

— Вотъ онъ!..—крикнулъ однажды барбось, опрометью бросаясь къ рѣшоткѣ.

Но это была жестокая ошибка: пришли не за нимъ. Приведенный въ отчаяніе барбось забился въ уголъ и жалобно завылъ. Это было такое горе, о какомъ знали только здѣсь, въ этихъ ужасныхъ стѣнахъ.

— Возьмите его, — сказалъ смотритель, указывая на барбоса.

Барбоса увели, и Постойко чувствовалъ, какъ у него морозъ пошелъ по кожѣ: еще два дня, и его увядутъ точно такъ-же. Вѣдь у него нѣтъ настоящаго хозяина, какъ у охотничьихъ собакъ или этихъ противныхъ мосекъ и болонокъ. Да, оставалось всего два дня, короткихъ два дня... Время здѣсь было и ужасно длинно, и ужасно коротко. Онъ и ночью не могъ спать. Презилась деревня, поля, лѣса... Ахъ, зачѣмъ онъ тогда попался на глаза этому кудрявому Борѣ, который такъ скоро забылъ его!

Постойко сильно похудѣлъ и мрачно забился въ уголъ. Э, будь, что будетъ, а отъ своей судьбы не уйдешь. Да...

Прошелъ четвертый день.

Наступилъ пятый. Постойко лежалъ на соломѣ и не поднималъ даже головы, когда отворялась дверь: онъ столько разъ ошибся, что теперь былъ не въ силахъ ошибиться еще разъ. Да, ему слышались и знакомые шаги, и знакомый голосъ, и все это оказывалось ошибкой. Можетъ-ли быть что-нибудь ужаснѣе?.. Холодное отчаяніе овладѣло Постойкой, и онъ ждалъ своей участи. Ахъ, только-бы скорѣе... И въ минуту такого отчаянія онъ вдругъ слышитъ:

— Не у васъ-ли наша собака?..

— А какой она породы?

— Да никакой породы, батюшка... Наша деревенская собака.

— Ну, назовите масть?

— Да масти никакой нѣтъ... такъ, хвостъ закорючкой, а сама лохматая. Вы только мнѣ покажите, — ужъ я узнаю...

— Ее Постойкомъ зовутъ, — прибавилъ дѣтскій голосъ.

Постойко не повѣрилъ сначала собственнымъ ушамъ: столько разъ онъ напрасно слышалъ эти голоса...

Да вонъ онъ сидитъ, Постойко-то нашъ!..—заговорила Андреевна, указывая на него.—Ахъ ты, милашъ... Да какъ-же ты похудѣлъ!.. Бѣдный...

Постойко былъ выпущенъ и, какъ сумасшедшій вертѣлся около Андреевны и Бори.

— Если-бы вы сегодня не пришли, конецъ вашему Постойкѣ,—говорилъ смотритель.—Вонъ у насъ сколько собакъ сидитъ... И жаль другую, а приходится убивать.

Андреевна и Боря обошли всѣ отдѣленія и долго ласкали визжавшихъ собакъ, просившихся на волю. Добрая Андреевна даже прослезилась: если-бы она была богата, откупила-бы на волю всѣхъ. Постойко въ это время разыскалъ Аргуса.

— Прощай, братецъ,—проговорилъ онъ, виляя хвостомъ.—Можетъ быть, и за тобой придутъ...

— Нѣтъ, меня позабыли...—уныло отвѣтилъ Аргусъ, провожая счастливца своими умными глазами.

Съ какой бѣшеной радостью вырвался Постойко на волю, какъ онъ прыгалъ, какъ визжалъ; а тамъ въ сараѣ раздавались такіе жалобные вопли, стоны и отчаянный лай.

— Кабы мы съ тобой не земляки были, такъ висѣть-бы тебѣ на веревочкѣ!—наставительно говорила Андреевна прыгавшему около нея Постойкѣ.—Смотри у меня, пострѣлъ!

СЪРАЯ ШЕЙКА.

I.

Первый осенний холодъ, отъ котораго пожелтѣла трава, привелъ всѣхъ птицъ въ большую тревогу. Всѣ начали готовиться въ далекій путь и всѣ имѣли такой серьезный, озабоченный видъ. Да, не легко перелетѣть пространство въ нѣсколько тысячъ верстъ... Сколько бѣдныхъ птицъ дорогой выбьется изъ силъ, сколько погибнетъ отъ разныхъ случайностей,—вообще, было о чемъ серьезно подумать.

Серьезная большая птица, какъ лебеди, гуси и утки собирались въ дорогу съ важнымъ видомъ, сознавая всю трудность предстоявшаго подвига; а болѣе всѣхъ шумѣли, суетились и хлопотали маленькія птички, какъ кулички-песочники, кулички-плавунчики, чернозобики, черныши, зуйки. Онѣ давно ужъ собирались стайками и переносились съ одного берега на другой, по отмелямъ и болотамъ съ такой быстротой, точно кто бросилъ горсть гороху. У маленькихъ птичекъ была такая большая работа...

Лѣсъ стоялъ темный и молчаливый, потому что главные пѣвцы улетѣли, не дожидаясь холода.

— И куда эта мелочь торопится!—ворчалъ старый Селезень, не любившій себя беспокоить. — Въ свое время всѣ улетимъ... Не понимаю, о чемъ тутъ беспокоиться.

— Ты всегда былъ лѣнтяемъ, поэтому тебѣ и непріятно смотрѣть на чужія хлопоты,—объяснила его жена, старая Утка.

— Я былъ лѣнтяемъ? Ты просто несправедлива ко мнѣ, и больше ничего. Можетъ быть, я побольше всѣхъ забочусь, а только не показываю вида. Толку отъ этого немного, если буду бѣгать съ утра до ночи по берегу, кричать, мѣшать другимъ, надобѣдать всѣмъ.

Утка вообще была несовсѣмъ довольна своимъ супругомъ, а теперь окончательно разсердилась.

— Ты посмотри на другихъ-то, лѣнтяй! Вонъ наши сосѣди, гуси или лебеди,—любо на нихъ посмотрѣть. Живутъ душа въ душу... Небойсь, лебедь или гусь не броситъ своего гнѣзда и всегда впереди выводка. Да, да... А тебѣ до дѣтей и дѣла нѣтъ. Только и думаешь о себѣ, чтобы набить зобъ. Лѣнтяй, однимъ словомъ... Смотрѣть-то на тебя даже противно!

— Не ворчи, старуха!.. Вѣдь я ничего не говорю, что у тебя такой непріятный характеръ. У всякаго есть свои недостатки... Я не виноватъ, что гусь глупая птица и поэтому нянчится со своимъ выводкомъ. Вообще, мое правило—не вмѣшиваться въ чужія дѣла. Зачѣмъ? Пусть всякій живетъ по-своему...

Селезень любилъ серьезныя разсужденія, причемъ оказывалось какъ-то такъ, что именно онъ, Селезень, всегда правъ, всегда уменъ и всегда лучше всѣхъ. Утка давно къ этому привыкла, а сейчасъ волновалась по совершенно особенному случаю.

— Какой ты отецъ? — накинулась она на мужа. — Отцы заботятся о дѣтяхъ, а тебѣ—хоть трава не роси!..

— Ты это о Сѣрушкѣ говоришь? Что же я могу подѣлать, если она не можетъ летать? Я не виноватъ...

Сѣрушкой они называли свою калѣку-дочь, у кото-

рой было переломлено крыло еще весной, когда подкралась къ выводку лиса и схватила утенка. Старая Утка смѣло бросилась на врага и отбила утенка; но одно крылышко оказалось сломаннымъ.

— Даже и подумать страшно, какъ мы покинемъ здѣсь Сѣрушку одну, — повторяла Утка со слезами. — Всѣ улетятъ, а она останется одна-одинешенька. Да, совсѣмъ одна... Мы улетимъ на югъ, въ тепло, а она, бѣдняжка, здѣсь будетъ мерзнуть... Вѣдь она наша дочь, и какъ я ее люблю, мою Сѣрушку! Знаешь, старикъ, останусь-ка я съ ней зимовать здѣсь вмѣстѣ...

— А другія дѣти?

— Тѣ здоровы, обойдутся и безъ меня.

Селезень всегда старался замять разговоръ, когда рѣчь заходила о Сѣрушкѣ. Конечно, онъ тоже любилъ ее; но зачѣмъ же напрасно тревожить себя? Ну, останется, ну, замерзнетъ, — жаль, конечно, а все-таки ничего не подѣлаешь. Наконецъ, нужно подумать и о другихъ дѣтяхъ. Жена вѣчно волнуется, а нужно смотрѣть на вещи серьезно. Селезень про себя жалѣлъ жену, но не понималъ въ полной мѣрѣ ея материнскаго горя. Ужъ лучше было бы, если бы тогда лиса совсѣмъ съѣла Сѣрушку, — вѣдь, все равно, она должна по погибнуть зимою.

II.

Старая Утка въ виду близившейся разлуки относилась къ дочери-калѣкѣ съ удвоенной нѣжностью. Бѣдняжка еще не знала, что такое разлука и одиночество и смотрѣла на сборы другихъ въ дорогу съ любопытствомъ новичка. Правда, ей иногда дѣлалось завидно, что ея братья и сестры такъ весело собираются къ отлету, что они будутъ опять гдѣ-то тамъ, далеко-далеко, гдѣ не бываетъ зимы.

— Вѣдь вы весной вернетесь?—спрашивала Сѣрушка у матери.

— Да, да, вернемся, моя дорогая... И опять будемъ жить всѣ вмѣстѣ.

Для утѣшенія начинавшей задумываться Сѣрушки, мать рассказала ей нѣсколько такихъ же случаевъ, когда утки оставались на зиму. Она была лично знакома съ двумя такими парами.

— Какъ-нибудь, милая, пробьешься,—успокоивала старая утка.—Сначала поскучаешь, а потомъ привыкнешь. Если бы можно было тебя перенести на теплый ключъ, что и зимой не замерзаетъ, — совсѣмъ было бы хорошо. Это недалеко отсюда... Впрочемъ, что же и говорить-то попусту: все равно, намъ не перенести тебя туда!

— Я буду все время думать о васъ...—повторяла бѣдная Сѣрушка.—Все буду думать: гдѣ вы, что вы дѣлаете, весело ли вамъ... Все равно и будетъ, точно и я съ вами вмѣстѣ.

Старой Уткѣ нужно было собрать всѣ силы, чтобы не выдать своего отчаянія. Она старалась казаться веселой, и плакала потихоньку ото всѣхъ. Ахъ, какъ ей было жаль милой бѣдненькой Сѣрушки... Другихъ дѣтей она теперь почти не замѣчала и не обращала на нихъ вниманія, и ей казалось, что она даже совсѣмъ ихъ не любитъ.

А какъ быстро летѣло время... Былъ уже цѣлый рядъ холодныхъ утренниковъ, а отъ инея пожелтѣли березки и покраснѣли осины. Вода въ рѣкѣ потемнѣла, и самая рѣка казалась больше, потому что берега оголѣли, — береговая поросль быстро теряла листву. Холодный осенній вѣтеръ обрывалъ засыхавшіе листья и уносилъ ихъ. Небо часто покрывалось тяжелыми осенними облаками, ронявшими мелкій осенній дождь. Вообще, хорошаго было мало, и кото-

рый день уже неслись мимо стаи перелетной птицы... Первыми тронулись болотныя птицы, потому что болота уже начинали замерзать. Дольше всѣхъ оставались водоплавающія. Сѣрушку больше всего огорчало перелетъ журавлей, потому что они такъ жалобно курлыкали, точно звали ее съ собою. У нея еще въ первый разъ сжалось сердце отъ какого-то тайнаго предчувствія, и она долго провожала глазами уносившуюся въ небѣ журавлиную стаю.

— Какъ имъ должно быть хорошо, — думала Сѣрушка.

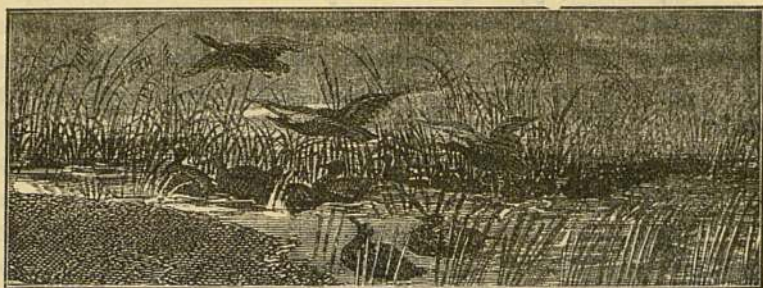
Лебеди, гуси и утки тоже начали готовиться къ отлету. Отдѣльныя гнѣзда соединились въ большія стаи. Старыя и бывалыя птицы учили молодыхъ. Каждое утро эта молодежь съ веселымъ крикомъ дѣлала большія прогулки, чтобы укрѣпить крылья для далекаго пролета. Умные вожаки сначала обучали отдѣльныя партіи, а потомъ всѣхъ вмѣстѣ. Сколько было крика, молодого веселья и радости... Одна Сѣрушка не могла принимать участія въ этихъ прогулкахъ и любовалась ими только издали. Что дѣлать, приходилось мириться съ своей судьбой. Зато какъ она плавала, какъ ныряла! Вода для нея составляла все.

— Нужно отправляться... пора!—говорили старики-вожаки.—Что намъ здѣсь ждать?

А время летѣло, быстро летѣло... Наступалъ и роковой день. Вся стая сбилась въ одну живую кучу на рѣкѣ. Это было раннимъ осеннимъ утромъ, когда вода еще была покрыта густымъ туманомъ. Утиный косякъ сбился изъ трехсотъ штукъ. Слышно было только криканье главныхъ вожаковъ. Старая Утка не спала всю ночь—это была послѣдняя ночь, которую она проводила вмѣстѣ съ Сѣрушкой.

Ты держись вонъ около того берега, гдѣ въ рѣку сбѣгаетъ ключикъ,—совѣтовала она.—Тамъ вода не замерзнетъ цѣлую зиму...

Сърушка держалась въ сторонѣ отъ косяка, какъ чужая... Да всѣ были такъ заняты общимъ отлетомъ, что на нее никто не обращалъ вниманія. У старой Утки изболѣлось все сердце, глядя на бѣдную Съ-

рушку. Нѣсколько разъ она рѣшала про себя, что останется; но какъ останешься, когда есть другія дѣти и нужно летѣть вмѣстѣ съ косякомъ?..

— Ну, трогай!—громко скомандовалъ главный вожакъ, и стая поднялась разомъ вверхъ.

Сърушка осталась на рѣкѣ одна и долго провожала глазами улетавшій косякъ. Сначала всѣ летѣли одной живой кучей, а потомъ вытянулись въ правильный трехугольникъ и скрылись.

— Неужели я совсѣмъ одна? — думала Сърушка, заливаясь слезами.—Лучше бы было, если бы тогда лиса меня съѣла...

Ш.

Рѣка, на которой осталась Сърушка, весело катилась въ горахъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ. Мѣсто было глухое, и никакого жилья кругомъ. По утрамъ вода у береговъ начинала замерзать, а днемъ тонкій, какъ стекло, ледъ таялъ.

— Неужели вся рѣка замерзнетъ?—думала Сърушка съ ужасомъ.

Скучно ей было одной, и она все думала про своих улетѣвшихъ братьевъ и сестеръ. Гдѣ-то они сейчасъ? Благополучно ли долетѣли? Вспоминаютъ ли про нее? Времени было достаточно, чтобы подумать обо всемъ. Узнала она и одиночество. Рѣка была пуста, и жизнь сохранялась только въ лѣсу, гдѣ по-свистывали рябчики, прыгали бѣлки и зайцы. Разъ со скуки Сѣрушка забралась въ лѣсъ и страшно перепугалась, когда изъ-подъ куста кубаремъ вылетѣлъ заяцъ.

— Ахъ, какъ ты меня напугала, глупая!—проговорилъ Заяцъ, немного успокоившись.—Душа въ пятки ушла... И зачѣмъ ты толчешься здѣсь? Вѣдь всѣ утки давно улетѣли...

— Я не могу летать: Лиса мнѣ крылышко перекусила, когда я еще была совсѣмъ маленькой.

— Ужъ эта мнѣ Лиса!.. Нѣтъ хуже звѣря. Она и до меня давно добирается... Ты берегись ея, особенно когда рѣка покроется льдомъ. Какъ разъ спааетъ...

Они познакомились. Заяцъ былъ такой же беззащитный, какъ и Сѣрушка, и спасалъ свою жизнь постояннымъ бѣгствомъ.

— Если бы мнѣ крылья, какъ птицѣ, такъ я бы, кажется, никого на свѣтѣ не боялся!... У тебя вотъ хоть и крыльевъ нѣтъ, такъ зато ты плавать умѣешь, а не то возьмешь и нырнешь въ воду, — говорилъ онъ.—А я постоянно дрожу со страху... У меня кругомъ враги. Лѣтомъ еще можно спрятаться куда-нибудь, а зимой все видно.

Скоро выпалъ и первый снѣгъ, а рѣка все еще не поддавалась холоду. Все, что замерзало по ночамъ, вода разбивала. Борьба шла не на животъ, а на смерть. Всего опаснѣе были ясныя звѣздныя ночи, когда все затихало, и на рѣкѣ не было волнъ. Рѣка точно за-

сыпала и холодъ старался сковать ее льдомъ сонную. Такъ и случилось. Была тихая-тихая звѣздная ночь. Тихо стоялъ темный лѣсъ на берегу, точно стража изъ великановъ. Горы казались выше, какъ это бываетъ ночью. Высокій мѣсяцъ обливалъ все своимъ трепетнымъ искрившимся свѣтомъ. Бурлившая днемъ горная рѣка присмирѣла, и къ ней тихо-тихо подкрался холодъ, крѣпко-крѣпко обнялъ гордую непокорную красавицу и точно прикрылъ ее зеркальнымъ стекломъ. Сѣрушка была въ отчаяніи, потому что не замерзла только самая середина рѣки, гдѣ образовалась широкая полынья. Свободнаго мѣста, гдѣ можно было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажень. Огорченіе Сѣрушки дошло до послѣдней степени, когда на берегу показалась Лиса,—это была та самая Лиса, которая переломила ей крыло.

— А, старая знакомая, здравствуй! — ласково проговорила Лиса, останоавливаясь на берегу. — Давненько не видались... Поздравляю съ зимой.

— Уходи, пожалуйста, я совсѣмъ не хочу съ тобой разговаривать,—отвѣтила Сѣрушка.

— Это за мою-то ласку! Хороша же ты, нечего сказать!.. А впрочемъ, про меня много лишняго говорятъ. Сами надѣлаютъ что-нибудь, а потомъ на меня и свалить... Пока, до свиданія!

Когда Лиса убралась, приковылялъ Заяцъ и сказалъ:

— Берегись, Сѣрушка: она опять придетъ.

И Сѣрушка тоже начала бояться, какъ боялся Заяцъ. Бѣдная даже не могла любоваться творившимися кругомъ нея чудесами. Наступала уже настоящая зима. Земля была покрыта бѣлоснѣжнымъ ковромъ. Не оставалось ни одного темнаго пятнышка. Даже голыя березы, ольхи, ивы и рябины убрались инеемъ, точно серебристымъ пухомъ. А ели сдѣлались еще

важнѣе. Онѣ стояли засыпанныя снѣгомъ, какъ будто надѣли дорожную теплую шубу. Да, чудно хорошо было кругомъ; а бѣдная Сѣрушка знала только одно, что эта красота не для нея, и трепетала при одной мысли, что ея полынья вотъ-вотъ замерзнетъ, и ей некуда будетъ дѣться. Лиса, дѣйствительно, пришла черезъ нѣсколько дней, сѣла на берегу и опять заговорила:

— Соскучилась я по тебѣ, уточка... Выходи сюда; а не хочешь, такъ я и сама къ тебѣ приду. Я не спѣсива...

И Лиса принялась ползти осторожно по льду къ самой полыньѣ. У Сѣрушки замерло сердце. Но Лиса не могла подобраться къ самой водѣ, потому тамъ ледъ былъ еще очень тонокъ. Она положила голову на переднія лапки, облизнулась и проговорила:

— Какая ты глупая, уточка... Вылѣзай на ледъ! А впрочемъ, до свиданія! Я тороплюсь по своимъ дѣламъ...

Лиса начала приходить каждый день, провѣдать, не застыла ли полынья. Наступившіе морозы дѣлали свое дѣло. Отъ большой полыньи оставалось всего одно окно въ сажень величиной. Ледъ былъ крѣпкій, и Лиса садилась на самомъ краю. Бѣдная Сѣрушка со страху ныряла въ воду, а Лиса сидѣла и зло подсмѣивалась надъ ней:

— Ничего, нырай, а я тебя все равно съѣмъ... Выходи лучше сама.

Заяцъ видѣлъ съ берега, что продѣлывала Лиса, и возмущался всѣмъ своимъ заячьимъ сердцемъ. Ахъ, какая безсовѣстная эта Лиса... Какая несчастная эта Сѣрушка! Съѣстъ ее Лиса...

Разъ утромъ, когда было особенно холодно, Заяцъ прибѣжалъ напиться къ полыньѣ; но она уже замерзла, а отъ бѣдной Сѣрушки остались на льду кучки перьевъ.

О ПОДПИСКѢ НА 1895 ГОДЪ
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“⁶⁶

«съ приложеніемъ Педагогическаго Листка»

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

Въ 1895 г. „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ вступаетъ въ 27-й годъ своего существованія „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ одобрено: Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учебныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ, — Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній включено въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ журналѣ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ помѣщаются: а) повѣсти, рассказы и сказки (оригинальные и переводные); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣду свѣту); ж) музыкальный отдѣлъ; з) шутки, игры и занятія; и) задачи, ребусы, шарady и проч.

При журналѣ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ издается „ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“, выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 3 до 5 листовъ. Большая часть статей „ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСТКА“ посвящается домашнему воспитанію, элементарному обученію и разработкѣ вопросовъ о классномъ и внѣклассномъ чтеніи. Въ „ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ“ помѣщается **периодическій указатель** дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое описаніе и разборъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Въ журналѣ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ въ 1895 году примутъ участіе: *Андреевская М. П. — Бакунина Е. А. — Баранцевичъ К. С. — Березинъ Н. И. — Борисовъ Н. А. — Бутковский П. — Ванеръ Н. П. — Ванеръ Ю. Н. — Величко В. Л. — Глиньскій В. Б. — Голышевъ В. А. — Горбуновъ-Посадовъ И. И. — Европеусъ А. К. — Ермиловъ В. Е. — Засодимскій П. В. — Зенченко С. В. — Карась Я. — Корочевскій Д. А. — Круловъ А. В. — Лавровъ В. М. — Ладженскій В. П. — Луговой А. А. — Маминъ-Сибирякъ Л. Н. — Мечъ С. П. — Мисаловскій Д. Л. — Михайловъ В. М. — Невъжинъ П. М. — Немировичъ-Данченко Вл. Ив. — Нечаевъ А. П. — Острогорскій Ал. Н. — Острогорскій В. П. — Позняковъ Н. И. — Потанинъ И. Н. — Рубакинъ Н. А. — Сахарова А. — Семеновъ Л. Д. — Сентъ-Иллъеръ К. К. — Сергѣенко П. А. — Сиповскій В. Д. — Скабичевскій А. М. — Смирнова А. Н. — Сорокинъ В. М. — Стишова А. — Челмокъ А. — Чеховъ А. П. — Чижовъ Е. И. и др. — Въ художественномъ и музыкальномъ, отдѣлахъ: Бемъ Е. М. — Гиткина Е. Ф. — Дамкевичъ М. М. — Казачинскій Ф. С. — Клодтъ М. П. — Клодтъ А. М. — Конюсъ Ю. Э. — Коровикъ С. А. — Кашикинъ Н. Д. — Максимовъ В. М. — Размаиновъ С. В. — Чичаговъ К. Н. — Степановъ А. С. и др.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Безъ доставки въ Москвѣ	5 р.		Съ доставкою и пересылкою во всѣ гг. Россіи.	6 р.		За границу	8 р.
----------------------------	------	--	--	------	--	------------	------

На полгода — 3 руб., на четверть года — 1 руб. 50 к.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская улица, д. Гиршмана, кв. Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатели: *Е. Н. Тихомирова.*
Я. В. Борисовъ.

Редакторъ *Д. Н. Тихомировъ.*

